

Степан Шмелев

До завтра...
если жив буду...

Степан Шмелев

До завтра... если жив буду...

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Шмелев С. В.

До завтра... если жив буду... / С. В. Шмелев — «ЛитРес: Самиздат», 2014

История про финал человеческой жизни... про то, как жизнь приобретает очертания боли, но нет сил ее чувствовать и нет сил с ней бороться. Остается только доживать последние дни, погружаясь в созерцание. Содержит нецензурную брань.

1.

На стекле, надежно защищающем бабушкин портрет, след от его губ. Каждый вечер, укладываясь спать, он целует ее в губы.

Когда она была жива, я ни разу не видел, что бы они целовались или были излишне ласковы друг с другом. Больше сорились по пустякам, используя любую возможность. Я могу предположить, что он целует ее портрет, потому что надеется, что бабушка видит, но точно, ничего не сможет ему сказать со свойственной ей ворчливой небрежностью. Возможно, он всегда мечтал ее вот так, по-настоящему коснуться, но был по-мужски бессилен перед женщиной и сторонился ее рассудительности, пряча непосредственность, замыкаясь и закрываясь в себе, объясняя все болезнями, старостью, долгой совместной, обрюзгшей жизнью и еще десятками существенных поводов, чтобы не подавать вид, что любит единственную женщину – властную, лишенную доброты к чужеродцам и насыщенную тотальной заботой и переживаниями о своих родных.

Мой дед опоздал...

...он опоздал умереть и с опозданием раздает поцелуи мертвым. Ему девяносто два и он ежедневно готовится к смерти уже чуть больше тридцать лет. Во всяком случае, примерно столько лет назад я начал фиксировать этот процесс в своей памяти.

«Мне бы дожить до того момента когда ты пойдешь в школу», «Мне бы увидеть как ты получишь аттестат», «Этим летом больно жарко, сомневаюсь что смогу увидеть как ты поступишь в институт» – говорил он с тяжелой отдышкой. У него была цель, постоянная, навязчивая, конкретно обозначенная во времени и как только она достигалась, автоматически появлялась новая. Новая цель ежесекундно распалая его уныние, возникающее вместе с сомнениями, которые Господь помогал ему ежедневно перебарывать. «Хотелось бы посмотреть на твой диплом...но боюсь не доживу» – говорил он, с искренним лукавством притворяясь, что совершенно не замечает этой искренности, скромно сожалел, скорбел преждевременно и внешне смирился с возможным будущим.

Возможное будущее лишило его великих потрясений и великих радостей, в его теле словно был заключен нерожденный Далай-лама – беспричинно мудрый, но лишенный власти даже для принятия решений в рамках своей собственной жизни.

Его знакомство с востоком началось сразу после трех лет армейской службы, когда разразилась Великая Отечественная война. Командование его изворотливо перебросило на возможный восточный фронт, где по мнению генерального штаба могла атаковать Квантунская армия императора Японии, готовая вот-вот ворваться с территории захваченного Китая на просторы СССР.

Ежедневно отстукивая в штаб точками и тире сообщения о том, что Японцев на горизонте разведка не обнаружила, он не выстрелив ни разу даже в воздух, спустя четыре года вернулся домой победителем. Получая исключительно юбилейные медали по случаю свершения Великой Победы, а также поздравительные письма от губернатора, мэра и депутатов разного уровня, заставленные факсимильными подписями на девятое мая, медленно старел, оставаясь фамилией и инициалами в стремительно уменьшающемся списке живых ветеранов ВОВ в кабинете мелкого чиновника из районного отдела социальной защиты населения.

Ранее, в свои зрелые годы, он иногда мог себе позволить разнузданно пьянствовать, когда жена уходила работать в ночную смену или уезжала в деревню к своей матери. По праздникам выпивал сто пятьдесят – двести грамм и останавливался под тяжелым взором, дабы не искушать судьбу. После семейного застолья подходил к окну, рассматривая с высоты первого этажа своих возможных собутыльников, как те празднично и с любовью обнимают деревья и асфальт, оставляют зубы на бетонных бордюрах и спасают свою душу побоями, принимая их с истовым смирением от своих супружниц. Сегодня все те же двести грамм исключительно для стимуляции кровообращения, отогреть душным летом коченеющие пальцы рук и ног.

Дед сидит за столом, наливая по маленькой и пригубляя четыре раза по пятьдесят. В окно даже не смотрит, потому, что там за стеклом больше не осталось тех, кого он знал лично, кто мог позвонить в дверной звонок и занять денег до получки, с хрипотцой и сожалением выдавив из себя: «Дядь Коль, дай денег! Отдам! Одам, на следующей неделе! Спасибо, дядь Коль!»

Прохожие проходят по двору, напоминая ему кривыми походками, сутуlostями, растрепанными авоськами и милой драматичностью сцен, лишенных всякого смысла прошлые образы, Практически ничего не изменилось... элегантных, блестящих машин, старающихся не задев друг друга протиснуться по старым советским улочкам стало больше, а люди все те же: брошенные, спивающиеся, веселые без повода, неряшливые и утекающие на плечах похоронных процессий в наспех сколоченных лодках в сторону кладбища.

Он относительно давно не отмечает свой день рождения, хотя, в не таком уж и далеком прошлом, отмечал по два раза в год. В паспортном столе, выдавая ему в очередной раз паспорт, перепутали дату рождения, случайно вписав в его биографию еще один праздник.

С того самого момента он праздновал дважды, и это началось еще до моего рождения, я же в свою очередь навещал и поздравлял его строго в соответствии с той датой, что стояла в паспорте...

2.

Бабушка жалуется на жизнь, она плохо ходит и путает имена. У нее болят и чернеют ноги, деформируются ногти на пальцах. Кожа на голени сохнет, шелушится и покрывается язвами. При свете настольной лампы, при плотно завешенных шторах она читает молитослов, по привычке надевая очки, которые уже ничем не могут ей помочь. Точно так же, как это делала всю свою жизнь, берет в свои дрожащие руки книгу и бубнит что-то себе под нос, непроизвольно выслеживая расплывающуюся строку взглядом. Она помнит все слова наизусть, но вера в ней крепче при запахе замусоленных, рваных страниц, нашпигованных невидимыми буквами.

Дед изредка заглядывает к ней в комнату, и причитает чуть слышно, полупшепотом боясь неосторожным словом пробиться через ее глухоту: «Совсем слепая, а читает.....» и шаркающей походкой уходит в свое кресло, больше похожее на старое воронье гнездо. В кресле полукругом лежат старая фуфайка и плед, у потертого подлокотника дежурит клюка и под креслом затаилась дополнительная пара утепленных тапочек, больше похожих на укороченные унты.

Родной старец обожал детективы, но книг не брал в руки уже лет пятнадцать, истерически боясь ослепнуть полностью, и в самый нужный момент не найти портсигар и спички. Если кто-то из близких заглядывал в гости и включал телевизор, то он прикрывал глаза носовым платком, стараясь изолировать себя от голубого экрана. Его единственной слабостью, в которой он не мог себе отказать было ток-шоу «Суд». Искренне веря в то, что все процессы протекают в реальном времени над настоящими подсудимыми, совершившими тяжкие преступления, он, бурно сочувствуя жертвам, качал головой, поджимал губы и неразборчиво комментировал процесс, взывая к благоразумию правосудия и умеренной жажде крови, подвергая судьбу или присяжных словесным гонениям, если те были слишком снисходительны.

3.

Дед устроил всем домашним разнос, он бунтовал против собственного возраста и торопился в могилу либо на операцию по удалению помутневшего хрусталика и заменой его на интраокулярную линзу. В подробности и в детали процесса он вдаваться вообще не хотел, требовал лишь ускоренного принятия решений, способствующих приближению локальной молодости, пусть даже с помощью хирургического вмешательства в отдельно взятый орган.

Доставив его в больницу, и отправив на обследования, я и брат сидели на кушетке, тщательно упакованной в полиэтилен, ожидая врачебного вердикта, рассматривая желто-зеленые стены и курсирующих стариков с повязками на глазах, облаченных в пятнистые махровые халаты. Санитарки развозили по палатам вонючий обед, гремя засаленными тарелками, алюминевыми гнутыми ложками и эмалированными бачками, пестрящими черными сколами.

Дверь распахнулась и к нам энергично вышел плечисто-пузатый доктор, преисполненный восторга и добродетели, словно пьяный архангел:

– Дед – жара!

– Бунтует? – не скрывая скуки, практически хором спросили его мы.

– Нет. Все нормально. Ведет себя очень вежливо, дефилирующих мимо него сестер одаривает плитками шоколада – врач сделал паузу, задумался, потоптался с ноги на ногу, будто готовясь выпорхнуть в форточку, но соотнеся свои размеры с оконным проемом, проговорил предлагая выбор: – Хрусталик русский бесплатно, немецкий – пять тысяч...

– А операция? – постарался уточнить брат.

– Операция в любом случае бесплатно! – насупился доктор.

– Тогда немецкий. – сказал я, – Когда операция?

– Операция сегодня... длится недолго, можете подождать. Если захочет уехать домой, можете пациента забрать и сегодня, но не рекомендую, возраст значительный. Немного надо понаблюдать. – доктор тяжело вздохнул, словно кит, налетевший на старый коралловый риф, и продолжил, – Я насчет немецкого хрусталика...

– Что вы имеете ввиду? – не понял я, и пытаясь разглядеть в его играющей мимике ответ, сделал шаг вперед.

– Расстроится! – многозначительно сказал доктор, разведя обреченно руки в сторону, – Он против немцев воевал, великую отечественную прошел, друзей, родных потерял, а теперь на склоне лет: – На дед, немецкую линзу в глаз! Получай!

Все эти «получай» сопровождалась пародией на рукопашный бой и метание невидимой осколочной гранаты в толпу фашистских призрачных диверсантов. В этот момент мне показалось, что во всей этой драме больше всех расстраивается сам доктор, медленно, но верно живаясь в шкуру своего тщедушного пациента.

– Мы ему не скажем. – сухо заверил врача брат.

А я, излишне учтиво взяв офтальмолога за толстый, батонообразный локоть, произнес: – Не переживайте!

4.

Неразборчивое ворчание и отчетливый мат, вылизанный бледным старческим языком по букве, скалился из темноты, перемежаясь со скрипом старой кровати. Подлая бессонница спесивой девкой тиранила старика каждую ночь, выгоняя из теплой постели в ванную, затянуться пару раз дешевой сигаретой, вставленной в резной короткий деревянный мундштук. Каждый раз после перекура дед шел проверять замки на входных дверях, прощупывая своими узловатыми пальцами каждую задвижку. Стараясь никого не разбудить, он с надрывом сопел и, боясь лишний раз щелкнуть выключателем, беспрестанно чиркал зажигалкой, доводя себя до полного иступления и раздражения, что полностью выветривало из его головы сон.

Расправившись с входными дверями, практически на ощупь, скобля дугообразной ладонью по стене и проклиная свой возраст, он, прихрамывая, волочился проверять окна. Достаточно ли плотно зашторено каждое из них? Продвигаясь от подоконника к подоконнику, озадаченно рассматривая каждый просвет между шторами, между шторами и стеной, пытался предположить, что же именно сквозь них видно тем людям, чей взгляд может упасть на сие недоразумение глухой ночью, если они будут стоять на тротуаре и специально всматриваться в квартиру, ища коварную лазейку своему любопытству.

Преисполнившись осторожности и еле волоча ноги, он скользил с одного синтетического ковра на другой, стараясь не запнуться, стараясь поднять свою худую ногу над границей паласа, чтобы не рухнуть. Пятка чуть приподнималась, а носок, сминая сопротивление ткани, скользил, цепляясь за короткий ворс ковра, и шов линолеума. Опираясь на громоздкую лакированную советскую мебель руками, цепляясь за дверные косяки, старик заканчивал полуночный обход. В эти минуты могло показаться, что практически вся масса тела при передвижении у

него приходится на руки, а ноги просто запасными опорами волокутся чуть в стороне, на случай остановки, если понадобится статическая опора.

Бывало, падал. Бесшумно, словно планировал, цепляясь ослабшими руками за скатерти на столах и занавески, но произвольно разжимая пальцы, чтобы не ободрать весь постсоветский декор, приобретенный в период полного безденежья. Иногда с окровавленным лбом, иногда с синяками, медленно поднимался, сетуя на свою слабость и плача как ребенок, не от боли, а от обиды и беспомощности, бормоча сквозь сжатые зубы, брызжа слюной себе на грудь, заплывая пожелтевшую от пота майку-алкоголичку: «Сдохнуть бы... сдохнуть бы... сдохнуть...», а потом полупшепотом на выдохе протяжно завывал: «О-о-о-ой Господии-и-и!».

Медленно поднимался, ощупывал себя, колени, локти, поясницу, ребра голову. Обнаружив на ощупь кровоточащий участок на лбу, облизывал пальцы, чтобы удостовериться в истинности травмы, и опять возвращался в ванную. Открывал холодную воду, брал полотенце, смачивал его и протирал ссадину в полном молчании, рассматривая себя в помутневшем от времени зеркале.

Утром я ему закапывал капли в глаза. Руками, придерживая веки, он выпячивал снующее глазное яблоко из глазницы и торопил меня: «Ну... Давай быстрее! Быстрее тебе говорят!»

Капля сочилась из пипетки, набухла и срывалась, попадая в цель. Дед часто моргал и расплывался в улыбке, предчувствуя окончание процедуры, облизывал пересохшие морщинистые кривые губы.

– Тебе лучше? – спрашивал я его.

– Хрен его знает. – кривился дед, – Наверно лучше... ну ты иди, я еще полежу немного...

– и завернувшись в толстое пуховое одеяло, рассматривал бабушку, сопевшую и охавшую на соседней кровати.

Она засыпала и просыпалась, просила пить и снова погружалась в сон, во сне практически не дышала, отгородившись от мира паутиной седых, редких волос выбивающихся из платка. Просыпалась редко. Пробуждаясь, корчилась от боли или от искреннего страха, посещающего ее под утро. У нее исчезали ноги, ей казалось, что они растворились и переплелись с одеялом, тогда она с трудом садилась на кровати, и в молчании натирала ногу или мерно топала по полу, стараясь убедиться хотя бы в минимальной чувствительности конечности.

Глухой, мерный звук, разлетающийся в сумраке по квартире, словно вдох и выдох, рассказывал всем, кто готов вслушиваться в вибрации стен и пола многоквартирного дома, что ее сердце все еще бьется.

5.

Каждое межсезонье мы увозили бабушку в больницу поправить здоровье, насколько это возможно, или просто чтобы убедить самих себя, что мы не сидим, сложа руки, и не ждем, когда же все само собой закончится по вполне объективным причинам. Быть рядом – это тоже работа, невероятно нудная и обнадеживающая кого-то из тех, кто находится на расстоянии вытянутой руки, но точно не тебя. Кажется, что постоянное бездействие гораздо важнее, чем деятельность, не приводящая ни к каким результатам, кажется, что все истории, которые тебе рассказывают, ты уже не раз слышал, кажется, что на все вопросы, которые могли быть заданы, ответы уже прозвучали.

– Как мать? – спрашивала она меня, сидя на больничной койке в отдельной палате, раскачиваясь, словно перезревший мотылек под светильником.

– Хорошо. – отвечал я.

– Снег тает... Весна?

– Осень...

– Еще только осень?

– А ты куда-то торопишься?

– Я? – удивленно смотрела на меня, пытаюсь вспомнить, что значит, для нее слово торопиться. Подумав немного, давала ответ: – Куда торопиться?

– Не знаю. – я старался обнадеживающе улыбаться и пожимал плечами, – Отдыхай!

– Доктора здесь хорошие? – спрашивала меня бабушка, не обращая внимания на брошенные мной фразы.

– Лучшие! – уверенно говорил я, хотя еще ни с одним доктором не был знаком, – К другим не возим!

– Может домой? – спрашивала она, морщась изо всех сил, от неудовольствия расставляя глубокие морщины по своим местам, – Там дед один!

– Справится!

– Ну, ты его навещай... и брату скажи...

– Хорошо, хорошо, – я обнимал ее за плечи и старался уложить в кровать, наблюдая, как она руками старается оттолкнуться от матраса и встать на ноги, вытягивая на сколько можно носки, чтобы коснуться пола. – Полежи. Брат приедет к тебе после обеда, а я, тем временем, заеду к бабушке.

Она услышала меня, смиренно сжала губы и начала откидываться на подушку, бормоча одну и ту же фразу: «Ну и слава тебе Господи! Ну и слава тебе Господи!» и плавно отворачиваясь к стене.

Я осмотрел палату, в углу умывальник, на раковине, в лоточке, кусок розового мыла, словно вырванный анорексичный бицепс. Еще одна плотно застеленная кровать примостилась у соседней стены, прижавшись к тумбочке с оторванной дверцей. Под кроватью, судно, утка... чисто... сойдет... Новое испаранное пластиковое окно, в которое стучат скрюченные, пропитанные осенними дождями и снегом, грязные ветки.

6.

Капельницы, таблетки, уколы, на завтрак обед и ужин, во время бодрствования и во время сна. Ворчливые, вечно спешащие медсестры, лишённые чувства юмора и такта, от сезона к сезону не меняются. Работают механически, гремя металлическими эмалированными подносами, на которых красной краской выведено «стационар», расставляют по коридорам инвалидные кресла и каталки, бегают с тряпками, обтирают лежащих больных, пряча на старческих телах образующиеся пролежни в складках простыни или одеяла, надеясь, что пожилого пациента выпишут быстрее, чем пролежень будет замечен лечащим врачом.

Сторонятся посетителей, шаркая как можно громче пыльными тапками и кривя лица, в надежде, что за плохую неаккуратную работу их отведут в сторонку сердобольные родственники пациента и сунут в дырявый карман ее халата одну или две тысячи со словами: «Вы там за моим-то присмотрите получше, хорошо? Будут выписывать, еще занесу... не обижу... обещаю!». Возникнет неловкое молчание, на гнилом лице медсестры появится смущенная, манящая улыбка. «Я вам телефон свой записал» – навязчиво тянет клочок бумажки обрадованный родственник пациента, потому что получилось договориться не очень дорого: «Если что понадобится... звоните! А так, буду послезавтра. Хорошо?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.